

„Горькая судьбина“

(Гастроли Борисоглебского колхозного театра в Воронеже)

Очень хорошо, что Борисоглебский колхозный театр не ограничивает свой репертуар лишь «ходовыми» пьесами. Классическое наследие так велико, что было бы только желание у наших режиссеров читать и перечитывать, а тогда нашлись бы, пожалуй, еще десятки превосходных пьес.

«Горькая судьбина» Писемского, обладающая крупнейшими драматургическими достоинствами, в чем нетрудно убедиться, посмотрев спектакль, долгое время была в забвении. В оброчном мужике Анании Яковлеве некоторые желали бы видеть по меньшей мере бутаря, поднявшегося на своего врага — помещика Чеглова, а у Писемского он показан в финале драмы человеком, нравственно сломленным, погибшим.

Значит, лучше подальше от такой «разоружающей» пьесы, — решил кое-кто из режиссеров. А когда «Горькую судьбину» вновь начали ставить, стало ясно, что наш зритель очень хорошо разбирается в замысле драматурга и принимает Ананию Яковлева, этого русского крестьянина, испытывающего на себе весь гнет дореформенной деревни, таким, каков он есть.

Ананий — сильный характер. Он горячо отстаивает свое человеческое достоинство, свое личное счастье, но его протест в мире кнута и насилия приносит ему лишь отчаяние. Убив в диком порыве ребенка Лизаветы, прижитого ею с помещиком, Ананий сам, после водных скитаний, отдает себя в руки «правосудия».

Режиссеры, избегавшие «Горькой

судьбины», больше всего опасались в пьесе IV акта. Эти опасения, впрочем, были не лишены некоторых оснований. Если в финале исполнитель роли Анания просто «сложит» свой текст, зритель неизбежно поймет его действия как выражение христианского смирения, всепрощения. И это будет неверно. Для этого, конечно, не стоит играть сейчас «Горькую судьбину». Весь спектакль, и особенно IV акт, должен быть поставлен так, чтобы зритель глубоко почувствовал драму простых людей, чтобы поступки Анания объяснились не смирением, а полнейшей безысходностью, совершенным отчаянием человека, пытавшегося протестовать.

В спектакле Борисоглебского театра (режиссер Н. Н. Трапезников), к сожалению, нет вполне четкого решения последнего акта. В Анании так, как его играет в заключительных сценах Трапезников, еще много этого смирения и жертвенности. Занавес падает, но спектакль кажется незаконченным, словно тугая пружина действия не раскрутилась полностью, а вдруг ослабла и остановилась.

Когда смотришь «Горькую судьбину» у борисоглебцев, слишком часто возникает один и тот же вопрос: «Почему?». Почему, например, Лизавета бросается в ноги своему мужу, отдавшему себя «правосудию»? Ведь она не любит его! Или это тоже акт «всепрощения»? Кстати, о Лизавете. Это — образ, глубоко трагический. В ее личной судьбе выражена горькая судьба русской женщины, подневольной, забитой, придав-

ленной. В жезы Ананию ее отдали силой. Она нашла в себе смелость полюбить другого человека — своего барина Чеглова. Но ее чувство — нечто значительно большее, чем простая любовь к мужчине. Ее любовь — это неудержимое стремление к свободе, к самоутверждению собственной личности, гневный протест против попрания в ней человеческого достоинства. Лизавета мужественна в своей любви, мужественна и в своей ненависти к деспотичному в семейной жизни Ананию.

Чтобы убедительно сыграть Лизавету, нужна актриса, которая способна, по выражению блестящей исполнительницы этой роли Стрепетовой, «переживать, а не играть». Введенская, наоборот, принадлежит к числу тех актрис, которые изображают страсти. Поэтому ей и не удалось в спектакле полностью слиться с образом. Актрисе нельзя отказать в известной теплоте, обаянии, но только этого здесь мало. Ее Лизавета слишком вяла в своей ненависти к Ананию. Благодаря этому притупляются и сила ее страдания, и ее протест против горькой жезской доли.

Образ Лизаветы мельчает еще и потому, что недостаточно оправдано в спектакле ее чувство к Чеглову. Ананий, несмотря на все его отрицательные стороны, — мужчина, настоящий человек, он заслуживает сочувствия. А Чеглов — недоразумение. Конечно, Говоров должен был играть то, что написал Писемский, — малодушного педантика, незадачливого барина и т. д. Но Лизавету он любит, и этому все сказано. Нельзя поэтому делать Чеглова лишь абсолютно ничтожным, только сменившим. От этого в первую очередь проигрывает Лизавета. Почему же так сделано в спектакле?

И все же, несмотря на недостаточную глубину и последовательность в раскрытии идейного замысла пьесы, спектакль смотрится с волнением и интересом. Образ Анания, за исключением последнего акта, производит очень сильное впечатление. Трапезников играет эту роль чрезвычайно выразительно, с большим художественным тактом и темпераментом. Он тонко и правдиво раскрывает внутренний мир этого незаурядного человека, наделенного большим умом, волей, характером. Мощные силы заключены в Анании Яковлеве, но судьба его складывается трагически. Трапезников убедительно рисует нам трагедию простого человека, попытавшегося отстаивать свою честь, но совершившего при этом роковую ошибку. Актору нужно лишь обязательно переосмыслить заключительные сцены.

К удачам спектакля следует отнести образы бурмистра Калпистрата — арт. Нефедьев и мужичонки Никола — арт. Мезвелев. Матрона — мать Лизаветы — запомнилась только в сцене допроса, тогда как эта роль давала возможность арт. Истоминой сыграть очень яркую и типичную фигуру.

Борисоглебскому театру, выезжающему в колхозы, нужно портативное оформление. Художника Худякова, оформившего «Горькую судьбину», характеризует умение сказать в немногом самое главное, и этим он дорог театру.

Совершенные спектакли обычно отличаются простотой, целеустремленностью и кристальная ясность в раскрытии идейно-художественного замысла драматурга. Поэтому нужно настойчиво стремиться Борисоглебскому театру.

Н. САДКОВОЙ.